

Формирующаяся экономика все еще формируется?

Спустя два десятилетия БРИК по-прежнему имеет обещающие перспективы

Джим О'Нил

ФОТО ЛЮБЕЗНО ПРЕДОСТАВЛЕНО ДЖИММ О'НИЛОМ

НЕ СЛУЧИСЬ ПАНДЕМИИ COVID-19, рост ВВП за последнее десятилетие составил бы примерно 3,6 процента, что лишь немногим ниже результата за 2000–2009 годы — 3,7 процента. Это неплохой показатель, учитывая все проблемы, с которыми пришлось столкнуться, и он расходится с настроениями, преобладавшими накануне пандемии. Действительно, эти десятилетия были отмечены более активным экономическим ростом, чем 1980-е и 1990-е годы, — рост в каждое из этих десятилетий составлял примерно 3,3 процента. В результате сотни миллионов людей смогли подняться над чертой абсолютной бедности. Отчасти это произошло благодаря чуду экономического роста, прежде всего в странах с так называемыми формирующимися рынками, среди которых мне особенно приятно отметить лидирующую роль стран БРИК.

В 2021 году исполняется 20 лет аббревиатуре «БРИК», которую я ввел в употребление, желая обозначить вероятное восхождение на экономической арене Бразилии, России, Индии и Китая и последствия их роста для управления мировой экономикой. Чего же можно ожидать от формирующихся рынков до конца 2021 года и в последующий период?

Еще раз к вопросу о странах БРИК

В моей первой статье «Мир нуждается в странах БРИК с более эффективной экономической структурой» я пытался прежде всего обосновать необходимость изменения основы управления мировой экономикой, а отнюдь не неизбежный будущий рост этих стран.

В последующих статьях я описал, какой вид мир *мог бы* принять в том крайне маловероятном случае, если бы исследуемые нами страны достигли своего потенциала. Мы пришли к определению этого потенциала при помощи стандартной макроэкономической методологии, согласно которой реальный экономический рост определяется двумя переменными: размером трудовых ресурсов страны и производительностью экономики. Исходя из численности населения этих стран, сопутствующего размера трудовых ресурсов и потенциала для наращивания производительности, не представляло большой сложности продемонстрировать, что потенциальные темпы роста в странах БРИК были выше, чем в большинстве стран с развитой экономикой. Но наш анализ *не предусматривал* показать неуклонный рост во всех этих странах в соответствии с их потенциалом. Откровенно говоря, это нереалистично и совершенно не то, что мы хотели сказать.

В этом контексте второе десятилетие XXI века весьма заметно отличалось от первого, которое для всех четырех стран оказалось даже более успешным, чем в сценариях, которые я сформулировал в 2001 году. Хотя в последние годы Индия явно не оправдывает ожидания, в целом она развивается в соответствии с намеченной нами динамикой. Между тем в случае Бразилии и России результаты экономической деятельности в 2010–2020 годах оказались совершенно неудовлетворительными, что иногда наводило меня на мысль, что, возможно, группу стран «БРИК» правильнее было бы называть «ИК». Как Бразилия, так и Россия пострадали от хорошо известного явления, называемого сырьевым проклятием, и, судя по всему, находятся в чрезмерной зависимости от мирового товарного цикла, что мешает их устойчивому развитию. Между этими странами есть существенные различия, но и в том, и в другом случае необходимо диверсифицировать экономику за счет отхода от сырьевых товаров и усиления роли частного сектора.

В отличие от этого неубывающий напор китайской экономики свидетельствует о том, что ее потенциал реализуется в полной мере. ВВП Китая, достигший более 14 триллионов долларов (по состоянию на 2019 год), в два с лишним раза превышает совокупный ВВП остальных стран БРИК. Огромные масштабы Китая означают, что экономика стран БРИК, взятых вместе, теперь опережает по размеру Европейский союз и приближается к США.

Назад в будущее

Хотя темпы роста реального ВВП Китая замедлятся с 2021 года, учитывая растущие масштабы демографичес-

ких проблем, это не помешает ему обогнать США и стать крупнейшей экономикой мира. Чтобы мир в целом рос более быстрыми темпами, страны с благоприятной демографической ситуацией должны повысить свою производительность.

Добиться темпов мирового роста реального ВВП на уровне 4 процентов представляется очень сложной задачей — даже достичь 3,7 процента последних двух десятилетий может оказаться не так просто. Обеспечение необходимого роста будут определять четыре фактора: производительность в развитых странах; как скоро замедлится тенденция роста в Китае; успех Индии; и, что особенно важно, появятся ли на этой арене другие многонаселенные страны с формирующимся рынком. Удастся ли Вьетнаму, Индонезии, Мексике, Нигерии и подобным им странам приблизиться к своему долгосрочному потенциалу? Если это произойдет, представляется более вероятным, что рост реального ВВП в мире повторит результаты предыдущего десятилетия.

Разумеется, быстрое восстановление в период, непосредственно следующий за COVID-19, зависит почти исключительно от разработки и распространения вакцин и методов лечения, направленных на искоренение пандемии. Я полагаю, что мультипликативный эффект в результате поступления от доноров необходимых 20–30 миллиардов долларов будет таков, что эта помощь явится наиболее очевидным выбором экономического стимула, с которым приходилось иметь дело какому-либо поколению, и превзойдет потенциальные выгоды стимула 2008–2009 годов.

МВФ должен взять на себя активную роль, содействуя реализации этого стимула, и, наряду с новой направленностью на проблемы изменения климата, должен обратить внимание на системы здравоохранения, включив анализ расходов на охрану здоровья в работу по надзору. Согласование действий с министрами финансов в целях поддержки Инициативы по ускорению доступа к средствам для борьбы с COVID-19 (АСТ), являющейся результатом совместных усилий ведущих международных организаций здравоохранения — уже небольшой шаг вперед, но за ним должны последовать другие шаги.

Возглавив в свое время проводившийся правительством Великобритании независимый обзор устойчивости к противомикробным препаратам (УПП), я знаю, что существуют и другие угрозы здоровью, не менее опасные чем COVID-19. К 2050 году УПП может вызывать до 10 миллионов смертей ежегодно, что равнозначно упущенным экономическим возможностям, в совокупности достигающим 100 триллионов долларов. Некоторые наблюдатели с трудом принимают такие цифры, но из-за опыта пандемии мы уже знаем, что все это, к сожалению, стало реальностью. Попытки укрепить взаимосвязи между экономикой, финансами и здравоохранением должны занимать центральное место среди разрабатываемых концепций.

Решительнее и рациональнее

После COVID-19 страны с формирующимся рынком, особенно более крупные среди них, должны принять рациональные меры налогово-бюджетной политики, в которых приоритетное место будут занимать государственные инвестиции. Требуется иная основа для оценки реальной экономической структуры и специфики налогово-бюджетной политики. Более конкретно это означает, что пора по-настоящему разграничить государственные расходы на инвестиции и на потребление; в первом случае, вероятно, будет иметь место положительный мультипликативный эффект, и с точки зрения учета эти расходы следует рассматривать иначе, чем государственные расходы на потребление. Такие инвестиции необходимы для решения проблем, связанных с изменением климата и будущими факторами угрозы здоровью. Достижение потенциала роста странами с формирующимся рынком зависит от этих инвестиций, которые, возможно, более важны для экономического роста, чем финансовые условия.

Основа для более рациональной налогово-бюджетной политики почти вне всяких сомнений потребует более развитых внутренних финансовых систем. Это осложняется продолжающейся зависимостью от денежной системы, основанной на долларе США. Несмотря на в целом плавное, но неуклонное относительное сокращение доли экономики США в мире, денежная система, основанная на долларе, сохраняет в общих чертах ту же доминирующую роль, что и в 1982 году, когда я только начинал свою финансовую карьеру. Это означает, что мировой экономике предстоит пережить циклические встряски денежно-кредитной политики ФРС, ее последствия для США и обусловленные ими финансовые условия в глобальном масштабе. По мере ужесточения политики ФРС ужесточаются в целом и финансовые условия для формирующихся рынков, причем нередко это хаотичный процесс. Когда ФРС ослабляет свою политику, происходит обратное.

Выход из этой ситуации существует, и когда-нибудь это изменение произойдет. Денежно-кредитная система должна развиваться, чтобы в большей степени отражать меняющуюся динамику в мире, и до тех пор пока этого не произойдет, обеспечение способности стран с формирующимся рынком реализовать свой потенциал роста будет оставаться сложной задачей, хотя, возможно, и не столь сложной, как другие внутренние инициативы, например, в области здравоохранения и образования.

Многие страны с формирующимся рынком должны действовать более решительно и рационально в этих вопросах, и МВФ, конечно же, будет готов оказать им помощь. **ФР**

ДЖИМ О'НИЛ является руководителем института Чатем-Хаус и бывшим председателем совета директоров Goldman Sachs Assets Management.